

№447 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Даже плохим батюшкам хочется кушать

В нынешнем чтении из 9-й главы послания апостола Павла Коринфским христианам затрагивается почти непреодолимая проблема проповедничества и душепопечения. Потому что всем, пребывающим во плоти, присущи потребности – как минимум, чем-то питаться, во что-то одеться, иметь крышу над головой. Если проповедник или пастор – не самый старый мужчина, ему также желательно иметь женщину и т.д.

Истины эти, казалось, очевидны и само собою разумеющиеся, но именно «казалось». Во все времена было и есть довольно множество народу, которые считают, что служители Церкви представляют собою бесплотных ангелочков. Сейчас, конечно, так реже думают, глядя на некоторых батюшек, ассоциирующихся скорее с духами, художественно изображаемыми с копытцами и хвостом. Последнее – это, конечно, проблема почище первой, но совершенно иная. Имеем то, что имеем – других священнослужителей с Марса не прислали.

Но «хвостатые» тоже хотят кушать. Более того, эти, с виртуальными рожками и копытцами, всё же о Боге говорят, возглавляют общие молитвы, совершают Таинства Церкви – худо-бедно, служат духовным нуждам. И по-сему, если всех их разом отправить к остальным чертям, лучше не станет.

Так вот, было дело, апостола Павла допекли эти «духовидцы», представляющие Божьих служителей без желудков, кишечника и прочих органов, и он почти в иступлении пишет: «Или мы не имеем нужды есть и пить?! Или не можем иметь спутницей женщину, как и прочие Апостолы – те же братья Господни, и Кифа?! Какой воин служил когда-либо на **своём** содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?! В Моисеевом законе **что** написано: не заграждай рта у вола молотящего! О волах ли печется Бог, ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнём у вас телесное?» (1Кор.9,1-12).

Буря эмоций и обиды здесь просвечиваются сквозь немногочисленные фразы апостола. Но оканчивается спич неожиданным отступлением. Павел говорит: «Однако мы не пользовались «сею властью» (нам полагающимся), но все *нужды* переносим *сами*, дабы не поставить *этим* преграды благовествованию Христову.

Всё верно – попробуй докажи, что ты трудишься во имя Божие, когда тебя кормят и содержат те, которым ты проповедуешь! Любой скажет, что разглагольствуешь ты из корыстных соображений – «не ради Иисуса, а ради хлеба куса».

Ветхозаветный человек как функция Закона Моисеева

Воспитание детей и библейский подход к этому. Пока у нас речь идет о **Ветхозаветных** принципах воспитания чад. Как мы с Вами говорили, ветхозаветная этика пронизана идеей служения Богу. Человек – это слуга Божий, он находится на службе у Самого Бога, и поэтому в Ветхом Завете акцент в большей степени ставится на эту вот идею постепенного приучения ребёнка к каким-то заданным нормам служения Всевышнему. Следовательно, как мы отмечали с вами, там, где есть эта система приучения, привыкания к закону Божию, будет в большей степени присутствовать жёсткое, авторитарное воспитание, воспитание с элементами строгости, такого, целенаправленного воздействия. Как сказано в Притчах: «Тот, кто жалеет розги для сына своего, тот ненавидит его» (Притч.13,24).

Хотя, как мы с Вами подчёркивали, основной пафос Ветхого Завета связан в первую очередь с тем, что эта система наказаний, в том числе и физических, осуществляется в конечном итоге для того, чтобы вот этому чаду в дальнейшей жизни было хорошо. А хорошо ему может быть только в том случае, если он станет достойным членом народа Божия, тем человеком, который хорошо и правильно умеет применять закон Божий в своей жизни. Минус Ветхого Завета, как мы с Вами отмечали, его несовершенство – в некоторой ущербности тому свободному творческому началу, ради которого и существуют сами ветхозаветные правила. Вот нельзя того, и нельзя сего, а вот **это** – правильно, и еще вот **это** надо, и так много чего. Люди Ветхого Завета в стремлении выполнить предписания закона часто не задумывались, а **ради чего** эти законы следует выполнять, а **зачем**, собственно, я должен это делать, и почему вот то и то мне категорически запрещено? Зачастую подобные вопросы повисали в воздухе, если они вообще возникали. «Бог запретил» – это, конечно, веский аргумент. Но **почему** Он запретил? Предположим даже, я послушный человек и в жизни не нарушу Божьих повелений – зачем мне неприятности, с Богом шутить не стоит. Но эта моя праведность не очень добровольна. Вот поступать правильно не потому, что ты боишься наказаний, и не потому, что ты ждёшь выгоды или награды, а потому, что ты просто хочешь так себя вести, тебе так нравиться, – вот это уже совершенство, которое будет более свойственно Новому Завету. Хотя, по большому счету, даже мы с вами, живущие в третьем тысячелетии от Рождества Христова, далеки от совершенства. По духу мы живём, скорее, в Ветхом Завете, и это ещё в лучшем случае.

Итак, что мы имеем в Ветхом Завете? В Ветхом Завете мы имеем такое промежуточное состояние, когда достаточно много времени приходится уделять воспитанию в форме очевидных, хорошо просчитанных видов воздействия, достаточно простых по своему содержанию, надёжных, которые должны гарантировать при прочих равных условиях некий устойчивый результат. Но этот устойчивый результат всё-таки в значительной степени будет касаться преамбулы жизни. Вот человек вырастет добропорядочным, благовоспитанным, знающим, что почитание закона – это верховная норма, которая предполагается вообще почитанием Бога. Но что с этим человеком будет дальше, как **исполнится** на нём замысел Божий – это в очень значительной степени загадка, до которой Ветхий Завет очень часто не доходил.

Но с другой стороны, Ветхий Завет выработал очень устойчивую систему воспитания. Причём, нередко настолько устойчивую, что христиане, особенно не золотого века церковной истории, её норовили воспроизвести, думая, что именно это и есть то, что нужно в идеале. А это, как мы с вами говорили, ещё только преамбула.

И ещё один важный момент: всё-таки в рамках ветхозаветного воспитания каждый появляющийся на свет ребёнок воспринимается, в первую очередь, как свой. Конечно, первенец принадлежит Богу, это мы знаем. Но тут как с десятиной – раз десять процентов ты отдал, то всё остальное твоё. Также и с первенцами. Первенец посвящён Богу, это особое чадло, напоминание о том, что ты связан с Богом. Но остальные, в общем, твои, на них исполняется благоволение Божие к тебе. Ну, а то, что в рамках Ветхого Завета умножение жизни и, следовательно, умножение потомства всегда воспринималось как благословение Божие, благословение того, кто достоин, – это, наверное, и комментировать не надо. Самый дух и буква Завета с Авраамом, в чём состоит? «Тебя умножу, и потомство твоё, как песок морской» (*Быт. 32, 12*). Собственно, умножающийся народ Божий – это свидетельство того, что всё идет как нужно, что число исполнителей воли Божией растёт, и если вот это число исполнителей умножается в пределах твоей семьи, и всё более-менее хорошо, значит, так оно и должно быть. В этом Заветы исполняются.

Но такая позиция – ведь она и провоцирует взгляд на себя, как на некоего хозяина жизни. Конечно, ты хозяин, **подчинённый** главному Хозяину жизни, Богу, Который над тобой. Ты у Него на службе. Но вот коли это так, то вся остальная часть твоей семьи, часть твоей жизни – она в **твоём** распоряжении. Тут ты должен сам много чего сделать, много чего осуществить для того, чтобы распорядиться этим даром Божиим соответственно закону, соответственно тому, как надо жить.

Поэтому, скажем, у системы ветхозаветного воспитания перспектива есть, безусловно. Ты должен вырастить достойного члена народа Божия, на котором должно исполняться пророчество Аврааму об умножении его сынов. Но вот эта перспектива достаточно относительна. Получается – ты сделал своё дело, а потом наступит момент, когда **сын** будет делать своё, и будет почитать своих родителей, и чем лучше ты делал своё дело, тем больше твоему сыну захочется **почтить** родителей в старости, которые исполнили свой долг.

Но вот каких-то конечных вещей ветхозаветная идея воспитания предложить не может. Она слишком вписана в то, чтобы заниматься практической жизнедеятельностью своего народа. Это то, что в некоторой степени роднит ветхозаветную идею с тем, что происходит в родо-

вом сообществе. Роднит – это не значит, что воспроизводит, это не значит – тождественно, но похоже.

Нам с Вами, вообще-то говоря, дальше будет сложно рассуждать об этом, потому что мы находимся в обществе, в котором очевидны громадные пробелы в системе воспитания. А вот ветхозаветное воспитание, в силу того, что мы уже успели сказать, отличается очень большой целостностью. Собственно, целостность – это его предназначение: вся твоя жизнь – это, в первую очередь, исполнение Закона, следовательно, воли Божией. Высокие образцы премудрости, как Экклезиаст, который много видел и много чего скорбного постиг, в том числе и то, что «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья» (*Притч. 15, 31*), – и невзирая на все это, он делал такой конечный вывод из всего им сказанного: что подобает **Господу Богу** поклоняться, и Его **Одного** слушаться, и Его **Одного** почитать во всем. И чем глубже человек проникается этим, тем ему же лучше.

Вот это – чрезвычайно важное завоевание ветхозаветного взгляда на вещи – что жизнь очень целостна. Самостоятельная жизнь, за которую ты несешь всю полноту ответственности – она целостна, она должна быть собрана в Бога, в Его волю и в Его Закон.

Но мы с Вами точно также помним, что поскольку в рамках Ветхого Завета жизнь всё-таки относительна, она имеет своё начало и свой конец, и это было главное сокрушение, как Вы помните, всей ветхозаветной премудрости. Что вот мы **должны** быть привержены нормам **незыблемым**, но мы-то сами как трава, как цветок полевой, ты сегодня есть, а завтра ты увял, а послезавтра тебя нет, и дней жизни нашей – 70 лет, а при большей крепости – 80 лет, и труд, и болезни (*Пс. 89, 10*). И всё это накладывает отпечаток на то, что при всей своей целостности эта система воспитания относительна в том смысле, что человеку трудно себе представить такую конкретную форму жизнедеятельности, которая имела бы непреходящую ценность. Да, непреходящую ценность имеет сам факт твоей принадлежности к народу Божию. Непреходящую ценность имеет то, что исполняется воля Божия и на тебе тоже, а потом и на детях твоих. Но непреходящим является то, что **НЕ** является, в конечном итоге, полным твоим достоянием.

И получается, что в этом смысле момент личностный в идее ветхозаветного воспитания занимает место подчинённое. Личностность присутствует, но подчинённым образом, в идее ветхозаветного воспитания. Вынужденно, потому что сама по себе личностность переживается как некая временная вещь. Ты есть, но тебя не будет. Не настало того времени, нет того Откровения, в рамках которого **Ты** есть незыблемая ценность. Незыблемая ценность, выходит, – это Закон и жизнь, осуществляющаяся в этом Законе. Но жизнь, для которой ты – некая **преходящая** её часть. Чувствуется ещё одно созвучие с родовым сознанием. Только в рамках рода ты – прямая **функция** рода, а здесь ты в какой-то степени можешь быть функцией **Закона**. То есть с одной стороны, без Закона невозможна твоя полноценная жизнь, но полноценность твоей жизни – это тоже **временное** явление. А Закон **вечен** и непреходящ.

И вот здесь есть такой трагический разрыв, который, как мы с Вами знаем, преодолевается уже только в рамках Нового Завета, о которых, если даст Бог, мы размыслим с Вами в следующем раз.